

Стены из детских криков

Закат гнил, как утопленник.
Шейла подняла голову и увидела его синюшный оскал в отражениях окон дома на холме.

Отступить было некуда.

Шейла грела горло обеими руками, ей казалось, что это чужие костлявые, лишенные плоти ладони держат ее, что это прикосновение в шаге от удушья и, может быть, она уже не Шейла, а Саманта — пропавшая минувшей весной.

— Мы так и простои́м здесь до утра? — нетерпеливо притопнула Элис.

Глупая! — не могла закричать Шейла. — Все очень-очень...

Но что очень — не понимала сама.

Дом на холме притягивал ее.

Шейла помнила свой первый раз: в гостиной ей показалось, что кто-то кашлянул вслеп, удивленно и недоверчиво. Столовая походила на джунгли. Шейле пришлось прорубаться сквозь паутину, вместо мачете используя зонтик. На втором этаже стонали

Юрий Некрасов

стропила. Камин разевал беззубую пасть. Шейла рисовала мелом на стенах, когда скрип ступеней позвал ее в подвал.

Там...

Сейчас она пришла не одна.

Опаздывала только Кристина.

Он просил привести шестерых. Шейла не знала, обидится он, если кто-то не дойдет. Прежде он был очень ласков с ней. Шейла закрыла глаза и попыталась представить, как он выглядит на самом деле. Это мальчик. Несомненно! У него длинные светлые волосы. Очень несовременная прическа. Он старомоден, это чувствуется по манерам. Вопросам, которые он задает. От него хорошо пахнет. Обязательно! А еще он — джентльмен. Подает руку, накидывает плащ на плечи...

— Сколько еще ждать? — кошачьи коготки Элис впились в ее запястье. — Ты нас за идиоток держишь?!

— Пора, — растерялась Шейла и зачем-то шагнула в сторону дыры в заборе. — Да.

Девочки поспешно двинулись следом.

Элис, несмотря на всю браваду, заметно дрожала. Приключение, казавшееся дома детской прогулкой, кусало ноги ночной прохладой и запускало за пазуху липкие пальцы страха.

Луна подсматривала сквозь ветхие шторы.

Сумрак гостиной напоминал огромной аквариум. Тени колыхались в нем, как водоросли.

ПРИЗРАКИ ОСЕНИ

Шейле показалось, что за круглым столом сидит большая компания. Девочка даже узнала одного мужчину — тощего, с жесткими ввалившимися щеками и острым носом — вылитый Том Чалкер! Но тут в спину ей уперлись чьи-то горячие ладони, и в гостиной стало тесно от живых. Тени стали тенями, а луна спрятала любопытство за своим обычным светом.

— Здесь казнили Гарольда Холдстока, — с торжественным придыханием произнесла Шейла. — В этом самом особняке, в этой самой комнате.

— Я слышала, его сбросила лошадь во время конной прогулки, и он отдал Богу душу в госпитале святого Петра, — заспорила Элис. Дебби и Сара дружно закивали. Сестры Глейдс во всем с ней соглашались.

— Основатель города умер в доме, — повторила Шейла. — Но когда его тело понесли в подвал, он был еще жив.

Она сама вздрогнула от звука собственного голоса.

Дом замер, будто затаил дыхание. Краем глаза Шейла увидела, как из-за стола к ней тянет руку какая-то леди. Ее лицо скрыто зеленой вуалью. И когда только сумела все это рассмотреть?

Шейла резко обернулась, и видение исчезло.

— Не пугай нас! — хором заняли близняшки Глейдс.

Но Шейла уже отвлеклась на другой звук. Кто-то стучал ногтем по перилам. Знакомый звук. Гу-

бы Шейлы против воли сложились в улыбку. Он зовет ее!

— Я покажу вам, — девочка не могла скрыть своего торжества, — если вы, конечно, не трусихи!

Элис гневно раздула ноздри и первой выскочила в коридор.

— Где дверь в подвал? — донесся из-за стены ее требовательный голос.

Ступени вскрикнули под каблуками. Сестры Глейдс порысили следом.

— Это глупая затея, — впервые за вечер открыла рот Вайнона. — Я чувствую, это может плохо кончиться.

— Мы ведь уже здесь, — Шейла чувствовала, что обманывает подругу, врет в чем-то глубоко важном, но он звал, и чужое упрямство никак не входило в ее планы.

— Я... не пойду, — попыталась Вайнона, но Шейла уже тянула ее прочь из столовой, где женщина в зеленой вуали немо мотала головой, бессильная остановить, помешать, вдоль узкого, как щель в скале, коридора, к белой, облезающей неопрятными лоскутами краски, двери, за которой гуляло эхо лязгающих от восторженного ужаса криков.

В подвале горела лампочка.

Это каждый раз поражало Шейлу, и каждый раз она забывала об этом.

Сегодня свет потускнел, и Шейла не сразу сообразила, что плафон заляпан густой жидкостью.

ПРИЗРАКИ ОСЕНИ

Шейла сделала шаг и споткнулась, не удержалась на ногах и вляпалась руками в комок какой-то омерзительной дряни, затряслась от отвращения, и тут в спину ей ударил вопль Вайноны.

Шейла обернулась и прочитала в ее глазах все то, на что у нее не хватило внимания и времени.

Кристина долго ждала у ограды.

Смотрела в черную дыру, ведущую во двор.

Сама она ни за что не решилась бы на это безумие.

Но глаза Шейлы горели таким неподдельным восторгом, она рассказывала настолько волшебные и жуткие истории про дом и его обитателей.

Слезы стекали по носу Кристины и капали на подол. Она специально надела самую удобную юбку из тех, что было не жалко.

Откуда-то из глубин дома донесся мужской смех. Ему вторило несколько детских голосов.

— Ну и ладно! — разрыдалась Кристина. — Везитесь без меня! Дуры!

Лорд Холдсток привстал из своего кресла и задумчиво посмотрел ей вслед.

— Это выше моих сил, — шептали губы основателя города.

— Это выше любых сил, — проскрипел ему на ухо Душекрад, — но мы же вытерпим?

Мириам Дутль сотрясали сухие рыдания. Она умерла сто сорок лет назад и могла только притворяться, что плачет.

Юрий Некрасов

Велосипедист

Прямо посреди обеда, обгладывая куриную ножку, Берт Райт почувствовал, как незримая рука протянулась из-за горизонта, прошила навывлет стены закуской, схватила его за шиворот и властно потащила наружу. Берт не переживал. Такое с ним уже случилось.

Рука толкнула его к велосипеду, и Берт послушно полез в седло. Он знал маршрут, по которому сейчас поедет. Вниз с холма Трех дубов, до конца аллеи, направо и долго-долго вверх, где наваждение рассеется, и Берт сядет на обочину в привычном недоумении, куда же вела его Судьба?

Небо напоминало парусиновый мешок с редкими прорехами облаков. Солнце расплылось по нему, как расквашенный желток.

Берт нажал на педали и помчал под дребезжание и визг стального коня. Молодость велосипеда осталась в прошлом веке. Дома пронеслись мимо, скверно нарисованные декорации. Берт старался не напрягаться. В первый раз, когда его взяло за душу, он пару раз пребольно навернулся с велосипеда и сейчас вовсе не хотел повторять этот опыт.

Город казался надломленной булкой хлеба, которую муравьи притащили на муравейник, прогрызли сотни ходов и без усталости сновали туда-сюда. Улицы кишели пешеходами. Берт старался изо всех сил, чтобы ни на кого не наехать.

ПРИЗРАКИ ОСЕНИ

Проплешину холма Кривой Нос утюжило солнце. Берт взмок, забираясь сюда. Согнутое столетием дерево, давшее холму имя, указывало носом на далекий залив. Наваждение стиснуло сердце Берта и неохотно поползло по груди вниз, царапая невидимыми когтями, уступая. Он бросил велосипед и улегся под деревом, вытянув гудящие ноги. Кривой Нос со скрипом подставил сухой морщинистый ствол под спину юноши.

Во рту Берта пересохло. Но сильнее жажды мучила загадка. Что-то привело его сюда уже четвертый раз. Какую тайну он должен разгадать?

Неделю назад Берт взял с собой лопату и нарыл три десятка ям вокруг городской достопримечательности. Клад. Могила. Что угодно! Земля молчала. Дерево уныло качало ветвями и отказывалось помогать.

Берт выдохнул.

Залив блестел, как серебряная удавка, наброшенная на горло города. Солнце бросалось в осеннюю воду и брызгало яркими зайчиками. Что-то стукнуло Берта по лбу. Он поднял голову. Никого. Ощутимо ударило в самый центр лба. Еще раз. Так любил стучать его дед, доказывая внуку, что тот полный олух. Берт вспыхнул и попытался закрыть ладонью, но дед шелкнул еще раз.

Дрянной старикашка!

Берт вскочил на ноги. Сжал кулаки. И, как по волшебству, увидел то, что определило его судьбу.

Слева от Кривого Носа, выше по холму, стоял особняк. Наособицу от прочих домов. Черная дыра в голубом сентябрьском дне.

Дом-мертвец.

Чем дальше Берт смотрелся в окна, тем сильнее предчувствия заполняли его, как холодная вода ботинки. Уверенность, что именно дом привел его сюда, не покидала юношу.

В мутном окне второго этажа расплылся силуэт. Женщина. Холод достиг низа живота, и Берт скорее почувял, чем увидел, что это совсем молоденькая девушка, почти ребенок, но лицо ее спрятано зеленой вуалью. Ему показалось, что она умоляюще протягивает руку. Зовет его! Ноги сами понесли к дому на холме...

Пропала.

Виденье растворилось в пыльных разводах.

На стекле остался лишь след. Узкая девичья ладонь.

Игроки в загробный покер

— Вы снова нас подвели, — прокаркала Чиз и сплюнула бы, не утратить эту возможность вместе с телом. Ставок еще не делали. Фан-Дер-Глотт сосредоточенно тасовал колоду.

Круел Райт посмотрел на кухарку, как на однопенсовую гашеную марку.

— Позволю согласиться с дамой, — Душекрад ощерился, как крыса, и сделал вид, что об-

ПРИЗРАКИ ОСЕНИ

локотился о стол. Ему, единственному из всех, не давали покоя картинные, нарочито театральные позы. — Опять вы поставили нас на кон, голубчик.

— Тсссссссссссс, — предупредительно поднял палец Бёрн и пригвоздил взглядом Райта. Бывший революционер не на шутку завелся.

— Играем на очередь? — стукнул зубами Виски-Джек, лорд Тангейзер, трус и паникер. То же поза. Вернее, портрет.

Никто не хочет быть следующим.

Дамы молчали. Даже Чиз кривилась и пронзала Райта взглядом, но временно «зашила» рот.

Фан-Дер-Глотт покончил с колодой и мгновенно сдал.

Лорд Холдсток, Душекрад, Мириам Дутль, Чиз и Круел Райт уткнулись в карты.

— Ставлю второго на кон, — проскрипел Голос-Из-Тени.

Казалось, иней мгновенно высыпал на стены. Голос блефовал или взял безумно сильную карту. В случае проигрыша его очередь наступала мгновенно.

— Поддерживаю, — меланхолично сыграл Фан-Дер-Глотт.

— Да, — сказала леди Зеленое Солнце, и в круге света на миг блеснули ее серые глаза.

Остальные, чертыхаясь, ушли в пас.

Фан-Дер-Глотт крутил колоду. Призраки, затаив дыхание, следили за его руками. На шнуре от лю-

стры, под самым потолком, сидел таракан и бесшумно шевелил усами.

Он видел все.

Винни-пушер

— Сэр, мы должны обыскать дом. У вас есть ключи? — услышав эти слова из-за двери, Винни затрясся, будто внутри него включили моторчик.

Часы показывали семь минут пополудни. Винни собирался прогуляться до кампуса, проведать пару постоянных клиентов. Затем рабочая петля вдоль университета к школе. Покурить у обваливающейся стены городского парка, будто бы невзначай перекинуться парой слов с ребятами, вышедшими на перемену. Быстро — из липких рук в дрожание — передать пакетики с травкой в мужском туалете, скомкать купюры, запихать их поглубже и тут же выйти. Купить кофе и рогалик с сыром. Выдохнуть. Закурить. Уже без спешки, растягивая удовольствие. И отправиться домой.

Обычный маршрут.

Никаких морщин и переживаний.

И вот теперь на пороге дома кто-то кряхтел, пытаюсь открыть допотопный замок. Винни понимал, стоит поддаться панике, начать метаться, и дряхлые старухи-половицы выдадут его своим скрипом.

ПРИЗРАКИ ОСЕНИ

— Совершенно исключено, — оправдывался голос с той стороны двери. — Не может быть! Сами увидите.

Винни, едва дыша, отступил за угол. Дом не выдал постояльца. Ни одна половица не проснулась. Ход к подвалу был настолько искусно спрятан в тени от лестницы на второй этаж, что у Винни были все шансы остаться незамеченным. Он услышал, как кто-то зашевелился в подвале, задыхался, часто, жадно. От этих звуков душа Винни свернулась в трубочку. Ни за какие деньги он не хотел лишний раз открывать эту дверь и спускаться по этой лестнице. Тот в подвале отлично все понимал и намеренно изводил Винни.

Дверь в дом распахнулась, с улицы ворвался запах жженого сахара и далекая переключка полицейской рации.

— Девочка утверждает, что они с подругами собирались залезть сюда ночью.

— Вы не знаете детей? У вас есть свои... э... сэр?

— Детектив Доплер, Сэм Доплер. Слыхали про эффект Доплера?

— Что-то из области физики? Мы проходили в школе.

— Да-да, распространение волн...

— Исключено, детектив! Никто не мог проникнуть в дом без моего ведома. Ключи есть только у меня.